

1960 ГОД. РОБЕРТ

Ю. ЖИТКОВСКИЙ. (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЯХТСМЕНА)

Он появился в «Спартаке» как-то незаметно. Впрочем, кто в яхт-клубе обращает внимание на мальчишку лет десяти? Поскольку он торчал у нас с утра до вечера, в конце концов, его заметили. А вскоре привыкли и снова перестали замечать.

Он был тощенький, как голодающий индус, и темный — то ли от загара, то ли от грязи. Звали его Роберт. Откуда он взялся? Где жил? Мы не знали: да и кто задумывался над этим.

Нам было по двадцать, и все мы болели парусом. Болезнь эта у многих протекала с осложнениями. Я, например, из-за нее остался на второй год на втором курсе физтеха.

Парус был тогда одним из немногих видов спорта, где даже самая вершина пирамиды состояла из настоящих любителей. Это только потом, уже после участия нашего в хельсинкской олимпиаде, образовалась «штатная» олимпийская сборная, куда широкой рекой потекла отличная «материальная часть» — краснодеревные килевки, спусовые мачты, дакроновые паруса. И понемногу кончились гонки с пересадкой — наше национальное изобретение, дававшее возможность соревноваться гонщикам, а не яхтам с гонщиками, как в классных гонках.

Но это было еще впереди, а пока в Москве борьба шла честная, как правило, между «Динамо», «Спартаком» и «Водником».

Яхт-клуб «Спартак» находился метрах в двухстах от станции «Водники» Савеловской железной дороги.

Электрички тогда еще не ходили. И из Москвы все приезжали пригородными поездами: как правило, с ночевкой. Это мне было пешком от станции «Долгопрудной», где находилось общежитие, всего 15 минут. А москвичи тратили на дорогу по два-три часа в один конец.

Все выходные были заняты гонками. Гонялись много. Открытие и закрытие сезона клубов, города, ЦС «Спартака», а для некоторых — и первенство страны.

Потом появились еще Балтийская и Черноморская регаты.

В одно из редких свободных от гонок воскресений мы решили прорваться на Пестово.

Из Клязьминского водохранилища, где расположено большинство столичных яхт-клубов, на Пестовское надо было именно прорываться. Официально по каналу разрешалось ходить только под мотором или надо было буксироваться за катером. Но, конечно, ходили и под парусами — только ночью.

Хорошо, если везло и дул ветер попутный. А если нет, какое это было мученье, каждую минуту крутить повороты!

Собрались мы двумя яхтами идти на Пестово в субботу.

Я со штатной командой (Боря Телешин, Лида Ветрова) и Валеи Грамаровой — на старой «эмке», Вольдемар Пильковский — на своей старой килевой краснодеревке. Вольдемар был гораздо старше нас. Воевал, потерял ногу, ходил на костылях...

И вот, когда мы вечером собирались, подошел Роберт и стал проситься с нами. Не знаю уж почему, но спартаковские девчонки очень его не любили. И как только Лида и Валя услышали его просьбу — погнались прочь.

А когда я попытался что-то промямливать в защиту мальчишки, досталось и мне. А мне было его жалко — такой худенький, беззащитный.

Однако Лида и Валя заявили, что он нахал и бесстыжий, и если я его возьму, не пойдут они. Через какое-то время я полез на швертбот. Один. Остальные еще что-то делали в домике. Ахтерник на нашей «эмке» был зашит досками, туда вела небольшая дверка.

Вдруг я почувствовал, что там, в тесном закутке, кто-то есть. Распахнул дверцу — на меня глянули умоляющие глаза Роберта.

«Юра...» — прошептал он.

В те времена у нас все были на «ты». И только уж совсем солидных мужей, которым было около сорока, мальчишки уважительно называли дядя Коля или дядя Ленья. А мы, двадцатилетние, спокойно говорили Коля, Ленья. Я сейчас с ужасом думаю, как язык поворачивался!

Вот, скажем, Леонид Владимирович Сухов. Мы знакомы около сорока лет, относительная разница в возрасте почти стерлась, но сейчас мне просто непонятно, как я мог Леонида Владимировича — эталон respeitability — когда-то называть Ленья и на «Ты». А тогда все было просто.

Так вот: «Юра, ну, пожалуйста, ты меня не видел!»

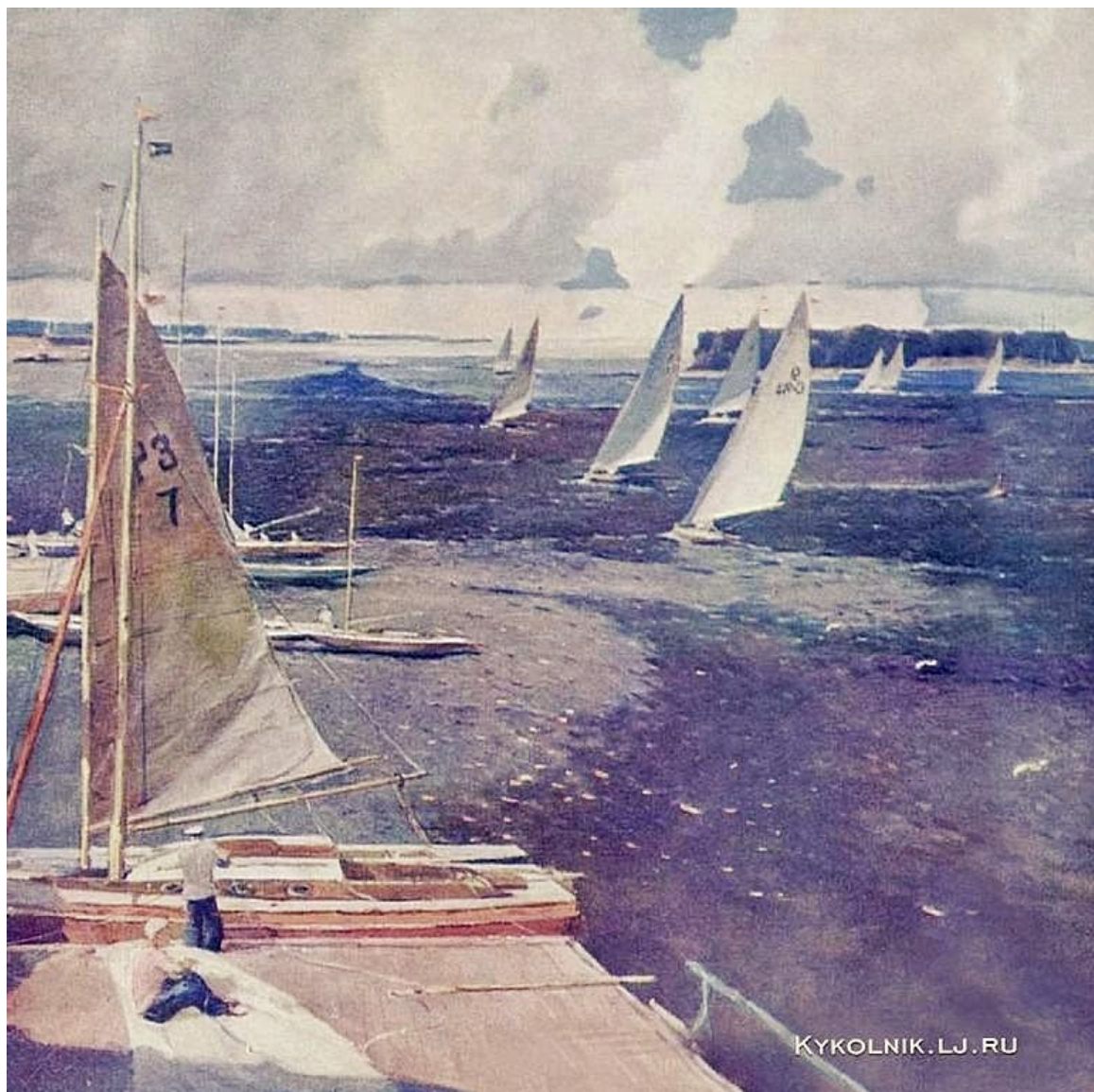
Я попытался ему втолковать, что рано или поздно его все равно найдут и прогонят, и придется ему с Пестовского водохранилища добираться назад самому. Он ничего не хотел слушать, только плакал и просил: «Ведь ты мог меня не видеть!»

И я, добренький дурак, согласился: «Ладно, но только знай — когда тебя найдут, защищать не буду! Все...»

Ветер был попутный. Прошли под старым Хлебниковским мостом, миновали Покровскую горку, Троицкое. Вошли в канал.

Если вы никогда не ходили на яхте ночью, то многое потеряли.

Впереди бежит лунная дорожка. Чуть-чуть поскрипывает руль, тихо журчит вода. Мелкие волны шуршат о берега.

Нисский Г.Г. «Парусный спорт. Пестово» (1954г.)

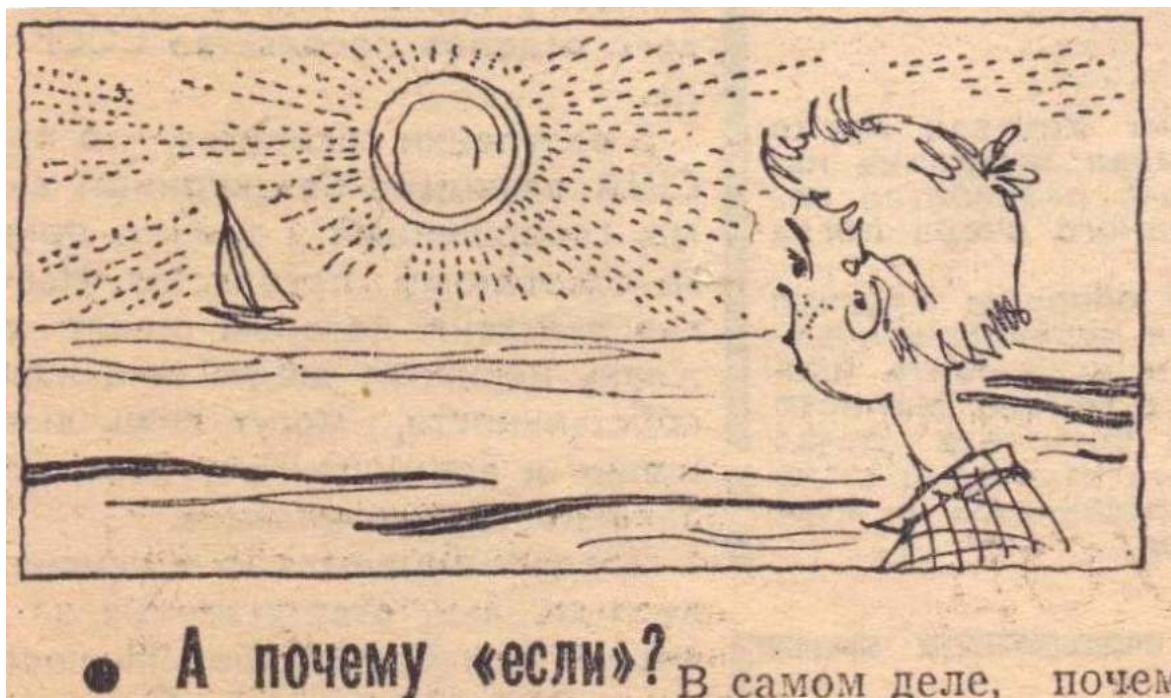

А канал кажется иллюминированным. Это судоходная обстановка: через равные промежутки справа и слева видны огни, слева — красные, справа — зеленые.

Яркими неоновыми линиями светятся входные знаки, горят светофоры. И по берегам поют соловьи. Говорить не хочется, чтобы не нарушить великолепия.

А около заградворот стараемся и не дышать. Тут охрана. Могут поймать, отобрать права. (Наверное, мы преувеличивали опасность: не помню ни одного случая, чтобы поймали и отобрали!) Темная ночь усиливает наши страхи, заградворота проплывают мимо в абсолютной тишине.

Внезапно появляется сверкающий дом — колесный пароход. Тяжело ухает машина, размеренно шлепают о воду плицы. В салоне танцы. Музыка не слышно, поэтому смешно смотреть на дергающихся и подпрыгивающих без музыки людей.

Жмемся к самому берегу. Пароход проходит, и вот уже длинные усы волн у него за кормой с шумом выкатываются на скошенные берега канала.

Веслами, футштоком и просто руками поддерживаем швертбот от удара о камни, из которых выложена стенка.

И снова тишина. И снова огни по берегам. И от каждого огонька цветные дорожки на воде...

Самоходки тоже появляются неожиданно: видишь, что это — судно, когда черный корпус заслоняет все береговые огни и на тебя надвигается что-то огромное, страшное. Проносится самоходка. И снова слышно, как за бортом шумит вода, поскрипывает руль. Хорошо на яхте прорываться ночью по каналу!

К пяти утра подошли к Пестово.

Тут Роберт и вылез. И началось. Девчонки, как фурии, накинулись на него. В мгновение ока он оказался на берегу. Я как сейчас вижу тоненькую фигурку, бегущую за нами, плача, по зеленой травяной террасе.

Через несколько минут мы вышли в Пестовское водохранилище и вскоре остановились у берега. Примерно через полчаса к нам приковылял Вольдемар с приткнувшейся поодаль яхты.

«Юрка, — сказал он, — поди сюда, разговор есть. Мы подобрали Роберта. Он, между прочим, говорит, что ты знал, что он сидит в ахтерпике. Это, правда или врет?»

«Врет, — сердито сказал я, — ничего я не знал».

«Ну ладно», — только и сказал Вольдемар и поскакал на костылях к своей яхте.

Я был страшно расстроен. Ведь договорились! Не хотел же я этого делать. Уступил, пожалел. А теперь чувствую себя вдвойне виноватым. А как же тогда приучать мальчишку, что слово, которое дал, надо держать? — так я безуспешно пытался формальной логикой самому себе доказывать свою правоту.

Как бы там ни было, поход для меня был испорчен. И вот прошло уже тридцать пять лет, а я до сих пор чувствую себя виноватым. Почему?